

07.98

Валерий ЗАЛОТУХА

Последние времена

Фрагменты сценария

Событиям, которым предстоит быть описанными ниже, предшествовала старая, трехлетней давности история, почти забытая, но, как оказалось, завязанная со всем последовавшим спустя три года в один весьма сложный узел, и я просто вынужден ее сейчас вспомнить.

Это когда Сухов, по прозвищу Чучмек, на свой старый, паршивый, столетний мопед выменял самый настоящий корабль.

Дело было так. Сухов стоял на берегу и ловил на удочку рыбу. Рыба не ловилась, но Сухов все равно ловил. А в это время мимо проплывал корабль, а если точнее – баржа, здоровенная такая баржища класса "река-море". И сделав вдруг резкий крен, она направилась в сторону Сухова. Сначала он стоял и смотрел, а когда железный нос баржи пополз по песку и дальше – по траве, прямо на него, Сухову пришлось спешно подхватить свою удочку и лежащий рядом мопед и отбежать на безопасное расстояние. Осторожно негодую, он наблюдал, как спустился по железной лестнице на землю и направился к нему, слегка покачиваясь, человек. Он был строен и красив – в черных клешах, тельнике под растянутым бушлатом и сдвинутой набок капитанской фуражке с крабом.

Человек к себе располагал.

Широко размахнувшись и сочно поздоровавшись о ладонь, он представился.

– Фамилия – Гаврилов, прозвище Альбатрос.

– Фамилия – Сухов, прозвище Чучмек, – ответил представился Сухов.

– Не русский? – удивился Альбатрос.

– Да нет, просто я в Средней Азии долго жил, вернулся, меня и прозвали, – объяснился Чучмек.

– А деревня как называется?

– Деревня Малые Ивановы, – доложил Чучмек.

– А Большие где? – спросил гость и засмеялся. (Был он навеселе, вот и было ему весело).

– Большие водой залило. Давно уже. Когда плотины стали строить, – терпеливо объяснил Чучмек.

Альбатрос вздохнул, плюнул на землю, растер ногой плевков и, становясь серьезным, предложил.

– Слушай, Чучмек, давай меняться! Я тебе свою посудину, а ты мне свой мопед плюс бутылку водки.

Сухов посмотрел на баржу, потом на капитана и спросил недоверчиво.

– А она что, твоя личная?

– А чья же еще? – обиделся Альбатрос. – Документы в кармане, когда порт делили, мне моя и досталась. Я на ней механиком начинал, да возить сейчас нечего, ну я ее на Дальний Восток и погнал, корейцам хотел продать. А попытаться реками – страну захотелось посмотреть. Посмотрел – больше не хочу. Хохлы достали на Днепре! В Москве, правда, отдохнул, погулял в порту пяти морей. Но все равно – не могу больше! "Россия, нищая Россия!" А главное, без моря не могу, без моей сестры Балтики. Плачу, а слезы – они... соленые, понимаешь, Чучмек?

Сухов облизнул пересохшие губы.

– У меня нет водки, – тихо сообщил он.

– Без водки, – Альбатрос решительно помотал головой.

– У меня мопед тоже хороший, – Чучмек попробовал все же поторговаться.

– Без водки – нет! – отрезал Альбатрос, и Чучмек испугался.

– Подожди немного! Подождешь? – с надеждой спросил он.

Альбатрос посмотрел на свои роскошные наручные часы и объявил:

– Пять минут, засекаю.

И Чучмек услышал стрекотанье секундной стрелки.

С треском и грохотом подлетел он на своем мопеде к сельмагу и, топоча сапогами, влетел внутрь.

– Ты еще на своей керосинке сюда въезжай! – заругалась продавщица Катя. Кроме нее, там была почтальонка Тося.

Женщины, конечно, понимали, что ему нужно, и смотрели насмешливо.

– Девчата, – хрипло обратился к ним Сухов.

– Были девчата, – парировали Катя и Тося и засмеялись.

Незатихающие ни на мгновение секунды застучали громче и чаще.

– Чего они только за бутылку не сделают?

– Родину продадут, – комментировали бабы нормально, в общем-то, ситуацию, раздвывая, как всегда, из мухи слона.

– Продашь Родину-то? – спросила Катя насмешливо, а внутри, как она потом рассказывала, у нее все похолодело.

– Куплю! – выпалил Чучмек.

– Не дам, в долг не дам! – закричала Катерина, потрясая над головой разбухшей замусоленной тетрадь. – Вот они, ваши долги. Меня за вас посадят скоро.

Отчаяние охватило Чучмека, он цапнул с прилавка самую большую гирию и попытался разбить ею свою голову. Бабы завопили и остановили удар.

Чучмек смотрел то на баржу, то на улетающего вдаль на его дымящемся мопеде Альбатроса с торчащей из кармана бушлата бутылкой, и не верил своим глазам. И даже когда секунды перестали молотить в мозг, все равно не верил. Поверил он лишь тогда, когда на берегу собрались односельчане, потрясенно смотрели на корабль и обменивались вполголоса мнениями:

– Говорила утром: "Сходи, рыбки наложи. Нет, тебе бы все лежать!"

– "Родина-5" – Хорошо. Это у евреев только Родина-1 и Родина-2. А тут сразу Родина-5 – Хорошо!

– Ну, и зачем она тебе?

Чучмек не был готов к такой постановке вопроса.

– А вдруг пригодится? – выскзал он робкую догадку.

Такая история случилась три года назад, а теперь перейдем к событиям, происшедшим

Три года спустя

Ранним утром поздней осени над Малыми Ивановыми пролетела диковинная птица – немного меньше петуха, но много ярче самого из них нарядного. На улице в тот момент не было ни души, за исключением чети Румянцевых, продащицы Кати и мужа ее Мякиша. Это была самая благополучная, самая зажиточная семья в селе, их иногда даже называли кулаками.

Румянцевы еще с вечера загрузили свой маленький забавный трактор с тележкой впереди кабины мешками с картошкой, а утром отправились в Семиреченск, чтобы продать ее там на базаре. Мякиш был в кабине и рулил, а Катя сидела впереди на мешках, удерживая их задом и руками, чтобы не свалились. Но не успели они выехать из деревни, как мотор у трактора заглох, чего никогда не бывало раньше. И в этот момент, неизвестно почему, Катя посмотрела на небо, хотя давно этого не делала.

– Саша, гляди, – прошептала она потрясенно, и Мякиш, услышав, высунулся из кабины и тоже посмотрел на небо.

Птица летела невысоко, чуть выше печных труб, да и не так чтобы быстро, показательно, можно сказать, летела, и супруги Румянцевы проводили ее, скрывшуюся в серой мгле, взглядом, полным недоумения.

– Жар-птица, – выдохнула Катя.

– А вроде павлин, – осторожно высказался Мякиш.

Катя приблизила лицо к стеклу, постучала себя по лбу и спросила, теряя терпение.

– Подумай своей головой: откуда здесь павлины?

Она бы еще что-нибудь подобное наверняка сказала, но в этот момент мятый дюралевый радиоколокол на столбе, вблизи которого они остановились, взорвался оглушительным маршем. Сие означало, что было ровно шесть утра. Вот уже сорок лет

день в Малых Ивановых начинался с одного и того же марша, который ставила в радиорубке клуба его бессменная заведующая – раньше на ставке, теперь на общественных началах Зоя Каллистратовна Забродина, Змея Каллистратовна или Змея Забродина, как звали ее за глаза в Малых Ивановых.

Товарищ, товарищ,
В труде и в бою,
Ты помни, товарищ,
Отчизну свою!
После марша звучал голос Забродиной – бодрый, жизнеутверждающий:

– Говорит радиоузел села Малые Ивановы! Доброе утро, товарищи.

Больше в тот самый день в Малых Ивановых никто загадочную птицу не видел, но к полудню о ней уже все знали. Реагировали на это известие по-разному, но в общем реакция была негативная, что объясняется в первую очередь известным консерватизмом малоивановцев, в массе своей людей пожилых. Довольно характерной была реакция той же Зои Каллистратовны.

– Мы живем в такой стране и в такое время, когда все что угодно может полететь, – сказала она.

– Это не павлин и не жар-птица, это фазан, – с сильным грузинским акцентом объяснил суть вещей учитель Сталин своему ученику Кольке.

(Тут просто напрашивается объяснение. Колька – это восьмилетний бандит, внук бабы Шуры, Александры Ивановны Потаповой, которой подкинула его родная дочь Любаша чуть не в недельном возрасте. А Сталин – это грузин, появившийся в Малых Ивановых несколько лет назад и купивший маленький домик у самого леса. Сталиным его прозвали, потому что был грузин, потому что носил усы, но главным образом, потому, что никто в Малых Ивановых не мог выговорить ни имени его, ни отчества, ни тем более фамилии. Так как ближайшая школа находилась в сорока километрах от села, малоивановцы, как люди ответственные, сами занимались образованием ребенка. Каждый преподавал тот предмет, который был ему ближе. Музыкальный, как все грузины, Сталин вел пение).

– Стая фазанов летела на юг. Один отбил, заблудился и теперь догоняет своих товарищей, – закончил он объяснение и обратился к ученику. – Так ты выучил? Нет? Колька безмолвствовал.

– А первый куплет? Тоже нет?

Колька все ниже и ниже опускал голову.

– А первое слово? Хотя бы первое слово? Колька был безнадежен.

– Есть такая буква в русском языке! Одна буква – и целое слово! И какое слово! Главное слово! Слово-буква, буква-слово! – горячился Сталин.

Колька поднял голову и спросил с надеждой.

– А? – Это была его буква-слово.

– Я? – воскликнул Сталин. – Я, понимаешь, я!

– Я, – прилежно повторил мальчик.

– Молодец, четыре, давай дневник, – оценил Колькины знания Сталин.

– Это вообще могла быть не птица, а НЛО, неопознанный летающий объект, попросту говоря, летающая тарелка, – объяснял собравшимся вокруг односельчан знаток всего сверхъестественного Павлуша. – Трактор в этот момент заглох? – обратился он к стоящему рядом Мякишу.

– Заглох, – кивнул тот.

Павлуша снисходительно улыбнулся.

– Ну вот, видите.

Пристально, но робко малоивановцы всматривались в небо.

Как подобает настоящей змее, Змея Забродина оказалась прозорливой. Где-то в обед над Малыми Ивановыми пролетел самолет-кукурузник с прикрепленным за трос и развевающимися сзади рекламным транспарантом: "Джувлетта" – лучше для женщины нету!" (с крылышками)". Транспарант был исполнен в форме женского гигиенического изделия – действительно с кры-

лышками. А к этому полету малоивановцы отнеслись практически равнодушно, потому что уже привыкли к рекламе, и только сидевшая в своем домике у окна с геранями нелюдимая и мечтательная Нюра-барыня пророчала:

– Дураки.

И все-таки – не совсем правда, что в тот день больше никто не видел чудо-птицу. Видел и даже слышал! Полковник, так же, как и Сталин, – не коренной малоивановец, приехавший сюда двенадцать лет назад и по особому разрешению купивший себе в личную собственность пустующее здание начальной школы. Полковник был личностью настолько загадочной, что никто в Малых Ивановых не знал точно, как его зовут. Тося-почтальонка, например, уверяла, что пенсию ему присылают все время на разные фамилии. (Правда, это было тогда, когда пенсии еще присылали). Кстати, никто не знал, полковник ли он на самом деле.

Каждое утро этот загадочный человек делал физическую зарядку – экзотический комплекс упражнений с неизменным хлопыванием себя по ляжкам. И, не взирая ни на какой мороз, окна его дома в это время всегда были открыты настежь. Вот и в то памятное утро полковник стоял в нижней полотняной рубашке, черных галифе и кедах и хлопал себя по ляжкам, как, хлопая крыльями, к дому подлетела та самая птица, села на подоконник и на ломаном русском с сильным немецким акцентом спросила криливо и нервно:

– Как тебя зовут?!

Полковник страшно побледнел.

Чтобы перевести дух и немного опомниться, расскажу о местоположении Малых Иванов. Они находятся в Семиреченском районе ...ой губернии, на маленьком полуострове, на так называемом Гулькином носу, на берегу одной великой русской реки, из-за множества плотин ставшей в этом месте фактически водохранилищем или, если угодно, морем. С одной стороны – стоялая тухловатая вода, с другой – пустые диковатые леса да заброшенные колхозные поля: все это составляло окрестности Малых Иванов. И если бы не люди, маленькие, но по-своему любопытные, а главное, если бы не события, в тех местах произошедшие, ноги нашей там бы не было.

Поздно вечером, почти в полной темноте стояла у забора баба Шура и дожидалась внучка. Дело это было обычное, но все же немного нервное. В руке она держала дежурный ремень – как индеец перед точным броском держит свое лассо. Чуть поджавшись вперед, баба Шура вслушивалась в приближающийся частый топот, как если бы сюда скакала лошадь или, скорее, жеребенок. Когда Колька выскочил из-за угла и немного сбавил скорость, – верхом на деревянной лошадке, ремень засвистел в воздухе и сочно достал мягкое. Колька ойкнул и скрылся в двери дома.

Конь-палка с большой деревянной головой и гривой из мочала стоял в углу. Мальчик кормил его с ладони хлебным мякишем.

– Где был? – спросила Александра Ивановна, схватив внука за шкуру и потащив к тазу с водой.

– Где надо, – пробурчал в ответ Коля, додая на ходу, а фактически на лету то, что не успела съесть лошадка.

– Откуда лошадь? – продолжала допрос бабка.

– Откуда надо, – отвечал внук.

Содрав и отбросив в сторону грязную одежду, Александра Ивановна усадила Кольку в таз с водой.

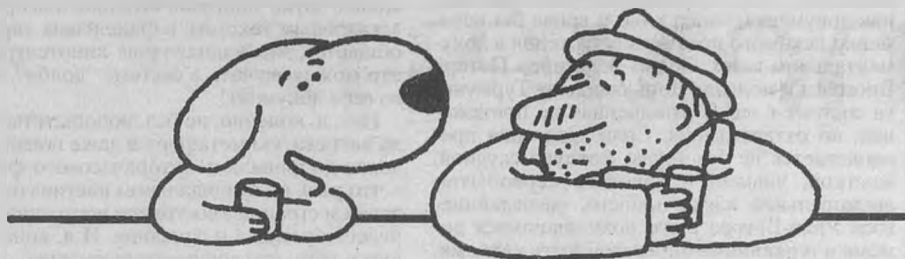
– Холодная, блин! – заорал он возмущенно.

– Я тебе дам – блин! Я что, должна ее в пятый раз греть? – проорала в ответ бабушка и привычно и беспощадно стала намывать его и тереть мочалкой.

Полностью сценарий будет опубликован в журнале "Киносценарии"

Чистый, с мокрыми волосами Колька сидел за столом, наворачивая жареную картошку с салом и солеными огурцами, запивая все это молоком. Насыщаясь, малыш доблел, да и бабушка, глядя на него, мягчала.

— Так откуда лошадка? — спросила она.

— Не лошадка, а конь, — поправил внук.
— Откуда мерин? — пошутила бабушка.
— Конь! — возмутился Колька.
— Ну, конь, конь. Откуда?
— Один человек подарил.
— Как звать?
— Калькулятор.
— Кого? — не поняла бабка.
— Кого-кого, раскоготкалась, — обиделся внук. — Коня так зовут! Ба, а что такое калькулятор? Он сказал — пулемет.
— Кто?
— Пред... — мальчишка понял, что проболтался, и зажал ладонью рот, но было, конечно, поздно.

Александра Ивановна усмехнулась.
— Я тебе приказывала подарков от него не брать?
— А он сказал: “Дареному коню в зубы не смотрят”.

Давай понять, что наелся, малыш рыгнул, тяжело поднялся, животом вперед подошел к кровати и упал на нее спиной. Сетка заскрипела и прогнулась.
— Ну что, заводить? — привычно и устало спросила баба Шура.
— Ага, — проговорил мальчик, проваливаясь в сон.

Бабушка сделала вдох, но внук вдруг открыл глаза и живо спросил:
— Ба, а что такое “Джувелетта с крылышками”?

— А черт его знает! — искренне призналась бабка. Пришлось снова сделать вдох.
— Ба, — услышала она и во второй раз пришлось выдохнуть.

— Ба, а ба, а ты зверей любишь?
— Зверей? — удивилась бабушка. — Да я и людей не очень-то...
— Почему?
— А за что их любить?

Мальчик не стал уточнять, кого именно не за что любить — людей или зверей.
— А если б тебе предложили зверя, ты б кого выбрала?
— Никого.

— Не, ба, так не пойдет, — не соглашался внук. — Например, кого: зебру, кенгуру или слона?
— Ну, слона, — ответила бабушка, чтобы он, наконец, отвызался.

Колька улыбнулся.
— Заводи, — успел прошептать он, проваливаясь и одновременно взлетая.

И баба Шура наконец запела:
“Шел отряд по берегу, шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Баю-бай, командир полка”.

Колька спал, и Александра Ивановна замолчала. Она перевела взгляд на висащую над кроватью увеличенную фотографию дочери своей Любаши, снова посмотрела на внука и ласково проговорила.

— Ладно, француз, а ведь мог и негром родиться.

Ночью, уже фактически под утро, Андрею Егорычу Данилову, по прозвищу Председатель, приснился страшный сон. Ему приснились обезьяны. Как будто она беззвучно вошла в его дом — в маленький ветхий домишко и начала в нем хозяйничать. Обезьяна была нарядная: в короткой с блестками плюшевой юбочке, в малиновом жилете, а на голове, что самое удивительное, было нечто вроде старинного русского украшения для девушек — увешанный стеклярусом кокошник, который держался на обезьяньей голове при помощи стягивающей подбородок резинки. Сзади к кокошнику была приклеена льняная косица с кокетливым бантом. Первые мгновения сна были особенно страшны. Егорычу снилось, что он спит на своей железной солдатской койке под старым суконным одеялом, а обезьяна приблизилась и стала внимательно всматриваться в его лицо. Она была так близко, что Данилов почувствовал ее душноватое звериное дыхание.

После этого обезьяна оглядела грязную запущенную комнату и покачала головой. Подняла худосочный веник, помела пол,

но, поняв, что это бесполезно, бросила веник и перешла на своих гнутых волосатых ножках к холодной плите. На ней стояло несколько грязных кастрюль и в одной обезьяна обнаружила щип. Торопливо запустив в кастрюлю узкую продолговатую ладонь, обезьяна зачерпнула со дна и сунула

ладонь в рот. Реакция ее обидела Егорыча даже во сне. Обезьяна страшно скривилась, стала плескаться и вытирать ладонь обо все, что было рядом.

Зато банка с остатками старого засахарившегося варенья обезьяну несколько утешила — она выскребла варенье ложкой и с удовольствием съела. Найдя в пачке “Примы” последнюю сигарету, обезьяна вытащила ее и заложила за оттопыренное ухо, после чего подошла к вешалке и стала стаскивать с нее — его, Андрея Егорыча Данилова, теплую зимнюю телогрейку, которую он в этом году сам еще ни разу не надевал.

И хотя Данилов понимал, что он спит и обезьяна ему снится, он также начал понимать, что вообще-то его грабят, и, не открывая глаз, закричал дурным со сна голосом.

— Караул! Грабят!
Открыв глаза, он увидел, что кто-то темный и злобный метнулся к двери.

Чуть погодя предутреннюю тишину Малых Иванов разорвал гулкий ружейный выстрел, и в окна домишек стали зажигаться испуганные огни.

А еще чуть погодя прибежал ближайший сосед Данилова — Виктор Николаевич Сорокин, имеющий странное прозвище Выкинсьор. Хотя Сорокин считался в Малых Иванах интеллигентом, и справедливо считался, отношения между ним и Даниловым так как-то и не сложились.

Обхватив голову руками, Председатель сидел на кровати.
— А я думал... — Сорокин опустил руку, которую держал на сердце.

— Что ты думал? — спросил Егорыч.
— Ты стрелял?
— Я. Ограбили меня.

— Ограбили? — не мог поверить Сорокин.
— Ограбили, — сокрушенно повторял Председатель. — Телогрейку взяли зимнюю, шапку мою армейскую, валенки. То же зимние. И “кильки в томате”, две банки, я их до смерти люблю.

— Так значит, ты стрелял.
— Стрелял.
— Но ты же мог убить, ты мог убить человека! За телогрейку.

— Какого человека? — Председатель нервно заходил по комнате. — Ружье пять осечек дало. В воздух я стрелял. — И, посмотрев на стоящего у двери Сорокина, предложил: — Садись, раз пришел, гостем будешь.

— В воздух, — успокоенно повторил Виктор Николаевич и осторожно присел на табурет. Данилов достал из стола заткнутую свернутой газетой четвертинку с синеватой жидкостью внутри. Сорокин посмотрел на него вопросительно.

— Не отравимся?
— Не отравимся. Спирт медицинский на мурашках настоянный. От ревматизма лечусь.

— Без закуски не могу, у меня желудок, — предупредил Сорокин.

Председатель понимающе кивнул, взял с полки две железные миски, потер половник об рукав и налил себе и гостю щей, тех самых, которые во сне так не понравились обезьяне. Они выпили спирта, с аппетитом стали закусывать щами. Председатель вспомнил сон и на лице его появилась гримаса обиды и непонимания.

— А перед тем мне обезьяна приснилась как живая, — поделился он.

— Обезьяна — это Фрейд, — уверенно объяснил Виктор Николаевич.

— Кто? — не понял Данилов.
— Зигмунд Фрейд. Как она выглядела?
Председатель нахмурился.

— Обезьяна как обезьяна. Нарядная, правда.

— Вот! — воскликнул Сорокин. — Значит, либидо у тебя еще есть.

По скулам Данилова катнулись желваки.

— Ты, Виктор Николаевич, говори проще, — тихо попросил он.

— Это значит, что ты еще как мужчина в порядке. Еще можешь, — упростил объяс-

нение Сорокин.

Андрей Егорыч смутился.

— Почему ж тогда обезьяна?

— Ну, это ты, Андрей Егорыч, у Фрейда спроси, — пошутил Сорокин.

— Спрошу, — кивнул Данилов. — Но сначала спрошу — какая сволочь, по радио снег обещали, а у меня все зимние вещи... телогрейка зимняя, валенки тоже зимние, шапка армейского старого образца.

Сорокин поднял руку, останавливая зациклившегося на своей беде соседа.

— Давай лучше думать, кто бы это мог быть.

— А чего думать, если, кроме Афони, никому. — Председатель решительно поднялся. — Может, и не он, конечно, но кроме него-то — никому.

— Я не хотел говорить об этом первом, — сказал Сорокин и тоже поднялся.

У дома, в котором Афоня жил со своей матерью Тосей-почтальонкой, уже собралась большая толпа малоивановцев. Пропустив вперед потерпевшего, свидетели ломанулись следом.

— Где Афоня? — гаркнул Председатель с ходу.

— Спит, — пропищала перепуганная Тося.

— Давно? — язвительно спросил Сорокин.

Председатель подскочил к железной койке и сорвал со спящего байковое одеяло. Афоня лежал в одежде: брюках, рубашке и пиджаке.

— Спит? В одежде спит?
— А он всегда так спит, — объяснила Тося, все еще ничего не понимая.

Афоня открыл глаза и улыбнулся, но Председатель навис над ним, как грозовая туча, и улыбка сошла на нет.

— Признавайся, — приказал Данилов.

— Признаюсь, — выполнил приказ Афоня. Народ возмущенно загалдел. Тут было и “Как тебе не стыдно своих обкрадывать!” И “Опять за старое взялся!” И “Мать бы пожалел!”

И “Эх, Афоня, Афоня...” И даже “Пирамидон проклятый!”

За это время Афоня, по прозвищу Пирамидон, сел на кровати и, потирая ногу об ногу, ждал вопроса.

— Телогрейку зимнюю брал? — задал свой первый вопрос Данилов.

— Брал, — обреченно отвечал Афоня.

— Шапку армейскую старого образца брал?

— Брал, — Афоня уже не мог смотреть на людей и поэтому смотрел на свои босые ноги.

— Валенки зимние?
— Брал.

Данилов схватил вора за лацканы пиджака и притянул к себе, заставляя смотреть в глаза.

— И консервы, “Кильки в томате”, две банки.

— И консервы, — безвольно покачиваясь, ответил Афоня.

— “Кильки в томате”?

— “Кильки в томате”.

Председатель оттолкнул от себя вора, и Афоня снова сел на кровать. После чистосердечного признания к нему стало возвращаться чувство собственного достоинства. Он поднял голову и посмотрел поочередно каждому в глаза. “Воровал и воровать буду!” — вот что выражал его взгляд! — А позволительно ли будет спросить, куды ты все это дел? — это был уже вопрос Сорокина.

— Консервы съел, а шмотки пропил, — чувство собственного достоинства стало прямо-таки переполнять Афона. Все так и ахнули, прямо задохнулись от подобной наглости. И никто не задался вопросом, когда Афоня успел это сделать, ведь преступление было совершено четверть часа назад — так велико было народное возмущение. А за окном застучал и замолк звук мотоциклетного двигателя. Это приехал старшина Зароков, участковый инспектор на общественных началах. Всю свою жизнь Зароков охранял порядок и, выйдя на пенсию, продолжал заниматься тем же. В темно-синей форме старого образца, на “Урале” с коляской, трижды в день объезжал он с дозором село, и малоивановцы относились к этому с пониманием, считая, что так порядка все же больше. Вообще-то Зарокова уважали, но сейчас он всех развеселил, и даже Афоня робко заулыбался. Последовали следующие комментарии.

— Приехал!
— Дождись, ага!
— Когда они нужны, их не докричишься.

— А когда сами во всем разобрались, они тут как тут!

уже молчали — все-таки побаивались его старшинских погон.

— Признался! — Раскололся! — По всем пунктам обвинения! — доложил малоивановец, но Зароков словно не услышал. Оглядев всех внимательным и тяжелым взглядом, он скомандовал.

— Всем, кроме подозреваемого, очистить помещение.

Тут Тося попыталась воспротивиться.

— Я — мать! — гордо воскликнула она перед лицом власти.

— А родственники в первую очередь, — отрешенно проговорил милиционер.

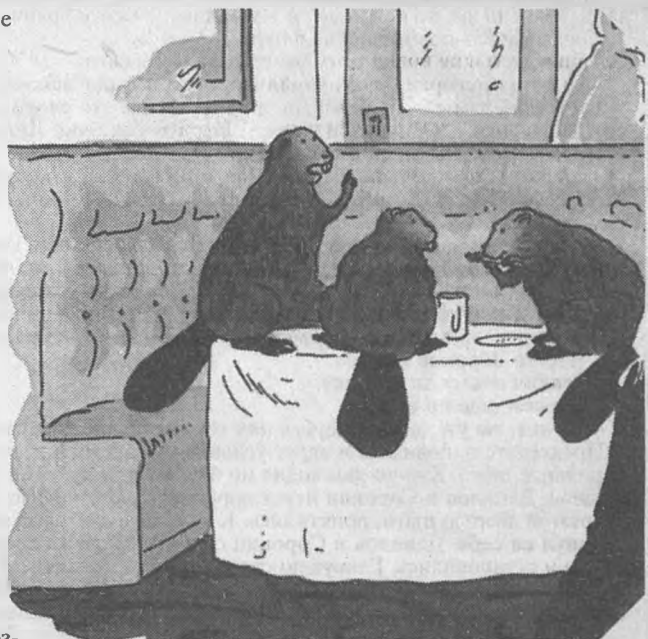
Зароков вышел к народу, когда народ еще не успел выкурить и по сигарете. Он отозвал Председателя в сторону и строго, как приказал, сказал.

— Он не виноват.

— Да я и сам это понял, — со вздохом согласился Председатель.

— А ружье я у тебя конфискую, — попытался Зароков.

Проводив грустным взглядом Зарокова на мотоцикле с его родной “ижевкой” за спиной, Председатель присел на ступеньку ветхого своего крыльца, поискал курево в одном кармане пиджака, поискал в другом и, к огромному удивлению, вытащил из бокового кармана большой, сложенный вдвое конверт. На конверте было крупно написано: “Любям доброй воли!” Помедлив, размышляя, вероятно, о том, добрая у него воля или нет, Егорыч все же открыл заклеенный конверт, достал из него письмо, написанное на одном большом листе, и стал внимательно его читать. Недоумение, непонимание, смутнение — вот что было на его лице во время чтения. А в одном месте, где-то посередине, он задумался, нахмурил лоб, пытаясь что-то вспомнить, причесал затылок, но так, видимо, и не вспомнил. Спрятав письмо в боковой карман, Председатель продолжил, но уже лихорадочно искать сигареты, чтобы закурить, наконец, и все обдумать, и в этот момент из соседнего дома донесся смех. Смеялся Выкинсьор, нехорошо смеялся и даже не смеялся, а хотел — опять же нехорошо, очень нехорошо. Данилов послушал, подумал и пошел к соседу напрямки — через заросли густой бузины и гнилой поваленный забор, тропой,

проторенной утром Сорокиным.

Дверь в дом была открыта настежь, и Егорыч осторожно вошел, вслушиваясь в продолжающиеся раскаты хохота.

Виктор Николаевич стоял посреди комнаты, смотрел на себя в большое гардеробное зеркало и хохотал.

— Николаич. Виктор Николаич, — осторожно позвал Данилов.

Сорокин резко обернулся, перестав хохотать. Данилов пристально взгляделся в глаза соседа и, ничего подозрительного в них не обнаружив, облегченно улыбнулся.

— А я думал...
— Что вы думали? — резко спросил Сорокин.

— Да, нет, ничего, — смутился Данилов и еще больше оттого смутился, что сосед перешел на вы.

А Сорокин вдруг взял Председателя за рукав и потребовал:
— Дайте мне ружье! Немедленно дайте мне ружье!

— Ружье... — вконец растерялся Данилов.

— У меня его Зароков конфисковал.

— Если бы у меня было ружье. Ах, если

(Окончание на стр. 10)